

Е. В. Щелконогова

СИСТЕМА ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

В статье исследуется Общая часть УК РФ. Она рассматривается с точки зрения системного подхода, ставятся вопросы о содержательной взаимосвязи норм Общей и Особенной частей УК РФ. Приводится исторический аспект формирования нынешней структуры Кодекса, а также выясняется вопрос о том, являются ли Общая и Особенная части УК РФ одинаковыми по своей значимости частями или нет. Проводится анализ разделов Общей части с целью выявления их функциональной нагрузки и значимости для правоприменения.

Ключевые слова: Общая часть УК РФ; система; институт права; отрасль права; уголовно-правовая норма.

E. V. Shchelkonogova

SYSTEM OF THE GENERAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the General part of the Criminal Code. It is considered from the point of view of a systematic approach, questions are raised about the meaningful relationship between the norms of the General Part and the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The historical aspect of the formation of the current structure of the Code is given, and the question of whether the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation are identical parts or not. The sections of the General Part are analyzed in order to identify their functional load and significance for law enforcement.

Key words: The general part of the Criminal Code of the Russian Federation; system; institute of law; branch of law; criminal law norm.

Применение системного подхода для характеристики Уголовного кодекса РФ предполагает возможность рассмотрения как системы не только самого Кодекса, но и его составных элементов. В частности, в качестве системы могут быть рассмотрены как Общая, так и Особенная части Кодекса. Исследование Общей части как системы может быть актуальным и полезным как для правоприменения, так и для теоретического толкования Общей части, поскольку оно важно для справедливой оценки деяния в качестве преступления. Общую и Особенную части Кодекса необходимо применять в их взаимосвязи, в том числе и для правильной квалификации преступлений. В целях теоретического толкования положений УК РФ анализ каждой из его частей в качестве системы позволит лучше понимать смысл всех институтов и норм, содержащихся в них, так как они будут рассматриваться не раздельно, а в смысловой взаимосвязи между собой.

В юридической литературе авторы, говоря о системе Общей части УК РФ, чаще всего перечисляют те положения, которые закреплены в ней, но мало внимания уделяют их взаимосвязи, а также не задаются вопросом, почему выделен тот или иной институт, насколько это необходимо, целесообразно и какими причинами продиктовано. Например, А. В. Наумов, А. Г. Кибальник указывают, что «Общая часть заключается в том, что в ней сформулированы задачи и принципы уголовного закона, его принципы, основание уголовной ответственности, понятия преступления и элементов его состава, понятие и цели, система и виды наказаний,

основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, иные меры уголовно-правового характера» [5]. Некоторые авторы, говоря о системе Общей части, подразумевают совокупность уголовно-правовых норм, однако согласно теории права нормы являются структурными элементами отраслей права. В научных работах Н. А. Лопашенко отмечает, что «все нормы данной отрасли права можно подразделить на нормы, формулирующие правило поведения, и нормы-правоположения, определяющие правовые принципы, задачи, дефиниции» [4, с. 60]. В данном случае ученый говорит о нормах отрасли уголовного права, а не о системе Уголовного кодекса.

Исследуя вопрос о системе Общей части УК РФ, важно подчеркнуть, что рассмотрению подлежит система именно уголовного закона, а не уголовного права как отрасли права. Согласно теории права эти дефиниции обладают разным смыслом, а также отличаются по своей структуре и содержанию. В частности, исследователь А. В. Денисова, говоря о системе уголовного права, выделяет уголовно-правовые нормы, институты, принципы уголовного права, источники, а также уголовно-правовые отношения [2, с. 89]. На наш взгляд, нормы и институты согласно теории права относятся к структуре отрасли права, а в отношении принципов, источников и правоотношений вопрос представляется дискуссионным. Можно ли утверждать, что источники отрасли права являются ее составной частью или все-таки неким внешним объектом, обладающим собственной структурой и содержанием?

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Уголовный кодекс РФ устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за их совершение [6]. В Общей части содержатся различные разделы, одни из которых раскрывают общие вопросы о преступных деяниях, а другие – вопросы об их наказуемости. В разделе первом, посвященном уголовному закону, указывается, из чего состоит уголовное законодательство, задачи и принципы УК РФ, а также вопросы действия уголовного закона. В целях оценки Общей части УК РФ в качестве системы необходимо обратиться к признаку взаимосвязи ее элементов. Одним из признаков взаимосвязи является ее существенность, т. е. элементы, находящиеся во взаимосвязи, не могут существовать друг без друга. Применительно к Общей части УК РФ наличие данного признака можно проследить между разделами о преступлении и разделами о наказании.

Согласно дефиниции преступления, содержащейся в ч. 1 ст. 14 УК РФ, одним из признаков преступления является его наказуемость. Наказуемость деяния предполагает установление определенного наказания, которое неотвратимо последует, если преступление будет совершено. Иными словами, какое-либо деяние, даже порицаемое в обществе, не может быть признано преступлением, если не установлено уголовное наказание за его совершение. Принцип наказуемости деяния действует не только в уголовном праве, но и в иных отраслях права, например в административном праве и др. Данный принцип существовал исторически и в те периоды, когда отсутствовало писаное уголовное законодательство, а нормы поведения существовали лишь в устной форме, в сознании людей. В современной действительности установлен запрет на уголовное наказание тех деяний, которые не описаны в УК РФ в качестве преступных. В соответствии с ч. 1 ст. 1 УК РФ установлено, что уголовную ответственность может предусматривать только данный Кодекс.

Таким образом, взаимосвязь разделов о преступлении и разделов о наказании проявляется в том, что наказуемость является обязательным признаком для признания деяния преступлением. В таком случае помещение в разные разделы положений о преступлении и о наказании с точки зрения системы видится несколько противоречивым, т. к. наказуемость является составным признаком преступления, поэтому положения закона о наказании логически должны являться составной частью разделов о преступлении, а не самостоятельным равнозначным разделом по отношению к преступлению. Иными словами, когда в законе описываются вопросы о преступлении, а наказание обособляется в отдельный раздел, то раздел о преступлении можно назвать неполным или противоречащим понятию преступления, т. к. в нем отсутствуют поло-

жения о наказуемости деяния. Возможно, правильнее было бы объединить положения о преступлении и наказании в один раздел, сделав внутри него разбивку на главы.

История развития российского уголовного законодательства свидетельствует о том, что лишь во второй половине XIX века оно было разделено на Общую и Особенную части, что явилось серьезным достижением в развитии и упорядочении российского уголовного законодательства. В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, первый крупный систематизированный уголовно-правовой акт, который содержал более совершенные, чем прежде, конструкции составов преступлений, впервые предусматривал детально разработанную «лестницу» наказаний. Нормативный материал был разделен на Общую и Особенную части. Преступление определялось как «противозаконное деяние»; получили закрепление стадии совершения преступления (приготовление, покушение, законченное преступление); описаны роли соучастников преступления.

В современном Уголовном кодексе раздел первый открывают положения, определяющие задачи и принципы уголовного законодательства, его действие во времени, в пространстве и по кругу лиц. Если рассматривать этот раздел с учетом посылки, согласно которой уголовно-правовая норма описывается как в статьях Общей, так и Особенной частей УК РФ, то думается, что данный раздел больше описывает то, как будут действовать положения Кодекса, каким образом будет действовать уголовно-правовая норма, чем ее непосредственное содержание. Поэтому с точки зрения разделения элементов системы Общей части УК РФ можно сказать, что раздел первый имеет индивидуальные особенности в отличие от иных разделов Общей части, которые обусловлены тем, что он раскрывает вопросы, касающиеся не проблемы непосредственно установления преступного деяния, а вопросы, связанные с действием положений всего Кодекса, то есть логически находится как бы вне структуры Общей части.

Говоря о соотношении Общей и Особенной частей, в литературе в основном отмечается, что Общая часть содержит общие положения для определения преступности и наказуемости деяния, а Особенная часть – характеристику отдельных составов. Если рассматривать эти части как половинки одного целого – УК РФ, т. е. логически его образующие части, то с точки зрения логики возникает противоречие, т. к. эти половинки по своему значению должны быть равны. Если придерживаться определения Общей и Особенной частей, которое дается преимущественным большинством ученых, то напрашивается вывод, что данному требованию соответствует только Особенная часть, т. к. Общая часть содержит положения, общие для всего уголовного права, а не только его Особенной части. Поэтому, на наш взгляд, важно определиться с тем, рассматриваем мы Общую часть как взаимодополняющую Особенной части или как некие руководящие положения для всего уголовного права. Возможно, ответ на поставленную проблему лежит в области рассмотрения Кодекса как системы, ведь любой объект объективной реальности или мыслительной деятельности можно изучать как систему, т. е. находить в нем признаки, свойственные системе. Например, раздел первый содержит такие положения, как задачи Кодекса, принципы действия УК РФ, т. е. это такие постулаты, которые влияют не только на Особенную часть, а являются руководящими, главенствующими нормами, поэтому они никак не могут стоять в одном ряду с другими статьями, а по своему содержанию находятся как бы над ними.

Вместе с тем первый раздел взаимосвязан с иными разделами Кодекса и в первую очередь с разделами Общей части, описывающими вопросы о преступности и наказуемости деяния. Данная взаимосвязь, на наш взгляд, проявляется в том, что в первом разделе содержатся фундаментальные положения, противоречие которым не позволит привлечь лицо к уголовной ответственности. В частности, в ст. 8 закреплено основание уголовной ответственности, лишь в соответствии с которым лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Например, согласно принципу вины также лицо, совершившее деяние, которое причинило вред объекту уголовно-правовой охраны, невиновно, не может быть привлечено к уголовной ответственности. Также заключение правоприменителя о преступности или неправомерности деяния лица не должно про-

тиворечить иным положениям первого раздела Кодекса, например, статьям об обратной силе закона, его действии во времени, пространстве и по кругу лиц.

Помимо указанных разделов в Общей части содержатся и такие разделы, как «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания», «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и «Иные меры уголовно-правового характера». Если оценивать раздел «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания» в качестве элемента системы Общей части УК РФ, то, на наш взгляд, можно выделить несколько аспектов данного вопроса. Один из них связан с тем, что данный раздел логически можно поставить в один ряд с разделами о преступлении и наказании. Думается, что вопрос о системе какого-либо объекта во многом связан с тем, является ли ее внутреннее строение логически верным, т. е. по своему содержанию элементы, образующие систему, должны находиться на одном уровне, иметь сходства между собой, а также индивидуальные особенности, различия.

Применительно к УК РФ, с одной стороны, вполне возможно говорить о том, что если разделы 2 и 3 Общей части УК РФ предусматривают вопросы о преступности и наказуемости деяния, то раздел об освобождении от уголовной ответственности и наказания логически соотносится с ними, т. е. если указаны определенные основания привлечения лица к ответственности, то описание оснований, по которым его можно освободить от ответственности или от наказания, видится вполне логичным. Вместе с тем наличие оснований освобождения от уголовной ответственности и от наказания в Общей части видится с точки зрения системного подхода несколько противоречивым, поскольку если в Общей части закреплены основания, в соответствии с которыми необходимо привлечь лицо к уголовной ответственности, то, соответственно, отсутствие этих оснований позволяет сделать вывод о непривлечении его к ответственности. Поэтому закрепление в отдельном разделе дополнительных оснований освобождения представляется противоречащим основаниям привлечения к ответственности.

Хотя основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания исторически были закреплены в уголовном законодательстве, например, такое основание освобождения, как помилование, можно назвать отголоском уголовного законодательства Российской империи, когда царь мог помиловать своей волей преступника. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало институт помилования и рассматривало амнистию как одну из форм помилования. Ряд современных российских юристов также оспаривают правомерность и целесообразность этого института. Так, С. Н. Сабанин полагает, что издание актов амнистии фактически ведет к нарушению принципа справедливости, поэтому амнистия не должна иметь места ни в практике высших органов государственной власти, ни в уголовном законодательстве. Другие авторы, настаивающие на упразднении института амнистии, мотивируют это тем, что она влечет всплеск преступности, т. е. ведет к росту рецидива среди лиц, освобожденных от уголовной ответственности или наказания в связи с изданием акта амнистии [7].

Представляется, что основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания можно назвать как бы положениями-исключениями из тех правил, согласно которым лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности. Причем если при наличии оснований государство в лице своих органов обязано привлечь лицо к уголовной ответственности, назначить ему наказание, то основания освобождения от ответственности и от наказания не носят такого императивного характера. Исторически к таким основаниям относились в том числе положения о необходимой обороне и крайней необходимости. В таком качестве они были закреплены в Соборном уложении 1649 года. В Судебниках 1497 и 1550 годов такие понятия, как крайняя необходимость и неведение, являлись основанием освобождения от наказания [8].

В УК РФ указано, что данные основания могут применяться с учетом всех обстоятельств дела, и возможность их применения предоставляется суду в качестве права, но не обязанности. К таким основаниям-исключениям, на наш взгляд, можно отнести еще и обстоятельства, исключаящие преступность деяния, содержащиеся в разделе «Преступление». Представляется, что все эти основания освобождения объединяет то, что они позволяют освободить ли-

цо от уголовной ответственности, от наказания и даже признать деяние непроступным. Однако в случае, если лицо освобождается от уголовной ответственности и (или) от наказания, то деяние, которое он совершил, признается преступлением, т. е. в соответствии со ст. 8 имеются все признаки состава преступления. В случае же, когда исключается преступность деяния, с одной стороны, деяние причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны, но, с другой стороны, имеются основания для признания его непроступным, т. е. при наличии определенных условий, которые для каждого из шести обстоятельств, закрепленных в главе 8 УК РФ, свои, исключается какой-либо элемент, признак состава преступления, в связи с чем деяние больше нельзя назвать преступным. Думается, что признак, который можно признать отсутствующим, находится в субъективной стороне состава преступления и связан с таким отношением лица к охраняемому благу, которое нельзя назвать порицаемым со стороны общества и государства, поэтому вопрос о виновности совершаемого деяния должен решаться отрицательно. Таким образом, несмотря на то, что в соответствии с главой 8 УК РФ лицо освобождается от всех уголовно-правовых последствий, связанных с совершением преступления, эти основания, на наш взгляд, правомерно находятся в разделе «Преступление», т. к. деяние в момент его совершения уже не является преступным, поэтому эти обстоятельства можно назвать еще одним дополнительным условием, позволяющим признавать деяние преступлением или констатировать обратное. Основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания могут быть применены только в случае признания деяния преступлением, поэтому данные основания не могут быть объединены в один раздел с «Преступлением», в то же время можно сказать, что логически они находятся на одном уровне системы Общей части.

В Общей части в разделе VI предусмотрены иные меры уголовно-правового характера. Данный раздел так же, как и другие, имеет свою историю возникновения и развития в уголовном законодательстве. Институт иных мер уголовно-правового характера появился в уголовном праве относительно недавно (конец XIX – начало XX века). Его становление связано с идеями социологической школы уголовного права и возникшей на её основе школы новой социальной защиты. Представители данных школ выделяли особую категорию лиц, находящихся в «опасном состоянии», к которым относили, например, психически нездоровых лиц, рецидивистов и лиц, относящихся к маргинальным слоям населения (бродяги, нищие). Поскольку данные лица склонны к совершению преступлений, они являются опасными для общества, и согласно воззрениям данной школы их необходимо было обезвреживать ещё до совершения преступления путём применения к ним так называемых «мер безопасности», например, принудительного лечения, высылки и т. д. [3, с. 270]. В частности, такое наказание, закрепленное еще в «Русской Правде» как «поток и разграбление», предусматривало конфискацию имущества виновного.

На сегодняшний день данный раздел содержит такие меры, как принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф. Для того, чтобы оценить, правильно ли с точки зрения системного подхода выделен этот раздел в Общей части, необходимо определиться с тем, что представляет собой термин «иные меры уголовно-правового характера», какой смысл вкладывал законодатель в данный термин. Обратившись к юридической литературе, можно установить, что авторы определяют данные меры как «меры государственного принуждения, не входящие в систему наказаний, и санкции уголовно-правовых норм, применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния или преступления, по усмотрению суда и ограничивающие их права, интересы и свободы с целью предупреждения совершения ими новых деяний или преступлений» [1, с. 127].

Таким образом, иные меры уголовно-правового характера в первую очередь отграничивают от уголовного наказания, т. к. вопрос о том, должны ли эти меры быть выделены в отдельный раздел в Кодексе, напрямую связан с тем, отличаются ли эти меры от наказания по своей природе, содержанию и целям воздействия. С одной стороны, иные меры, как и уголовное наказание, являются реакцией государства в лице его органов и правоприменителей

на нарушение объекта уголовно-правовой охраны. Каждая из иных мер может быть применена к лицу только в случае совершения им деяния, которое причиняет вред объекту, даже в случае если лицо является невменяемым, что само по себе исключает возможность применения к нему уголовного наказания. В то же время законодатель, выделив иные меры в отдельную главу, на наш взгляд, хотел подчеркнуть, что иные меры ни по своей природе, ни по целям воздействия не похожи на уголовное наказание. В частности, если одними из целей наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, то при применении, например, принудительных мер медицинского характера, в соответствии со ст. 98 УК РФ преследуется цель излечения осужденного.

Вместе с тем наказание – это мера государственного принуждения, иные меры уголовно-правового воздействия также применяются, несмотря на волеизъявление виновного лица (или невменяемого), т. е. можно указать, что при применении иных мер также применяется государственное принуждение. В связи с этим правомерность того, что иные меры закреплены в отдельном разделе Общей части, может быть подвергнута сомнению, если будет установлено, что и наказание, и иные меры уголовно-правового воздействия имеют единую правовую природу – являются мерами государственного принуждения. Не случайно конфискация имущества, изначально являясь уголовным наказанием, в 2003 году была исключена из соответствующего раздела и закреплена в разделе VI в качестве иной меры. Такой шаг законодателя может свидетельствовать о том, что правовая природа конфискации не вполне однозначна, и причины ее переноса в другой раздел могут быть обусловлены тем, что по своей природе она не так и отличается от уголовного наказания.

Интересна с точки зрения правовой природы такая иная мера, как судебный штраф, которая была введена в Общую часть Кодекса в 2016 году. Данная мера имеет давнюю историю, несмотря на то, что в советском уголовном законодательстве она отсутствовала, достаточно обратиться к дореволюционным уголовно-правовым актам для того, чтобы понять, что она не является новой для российского уголовного законодательства. Данную меру законодатель, так же как и ранее описанные меры, поместил в раздел VI Кодекса, указав тем самым, что она не является уголовным наказанием. Данная мера взаимосвязана с соответствующим основанием освобождения от уголовной ответственности, т. к. в соответствии со ст. 76² УК РФ лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при уплате судебного штрафа. Таким образом, два указанных положения, находясь в различных разделах Общей части Кодекса, состоят в логической взаимосвязи. Говоря о различной правовой природе иных мер и уголовного наказания, важно отметить, что в ч. 1 ст. 104⁴ УК РФ закреплено, что судебный штраф является денежным взысканием, в то же время в ч. 1 ст. 46 УК РФ указано, что штраф как уголовное наказание также есть денежное взыскание. Из указанного можно сделать вывод, что законодатель, помещая эти виды уголовно-правового воздействия в разные разделы, вместе с тем определяет их практически как идентичные, наделяя одними и теми же признаками. Поэтому, с одной стороны, можно говорить о том, что судебный штраф по своей правовой природе может быть включен в раздел «Наказание», однако, с другой стороны, назначение судебного штрафа является условием для применения основания освобождения лица от уголовной ответственности, поэтому если судебный штраф будет включен в раздел «Наказание», то получится противоречие, согласно которому нужно будет назначить лицу наказание с тем, чтобы оно явилось основанием освобождения его от уголовной ответственности.

Представляется, что само по себе закрепление тех или иных мер в отдельный раздел под названием «Иные меры уголовно-правового характера» подчеркивает, что эти меры по своей природе, целям, признакам должны отличаться от всех остальных положений, закрепленных в иных разделах Общей части, и в первую очередь от наказания. Вместе с тем юридический анализ статей Общей части показывает, что по содержанию конфискация имущества схожа с уголовным наказанием, а ранее и была включена в перечень наказаний. Выплата судебного штрафа является необходимым условием освобождения лица от уголовной ответственности,

в связи с чем можно было бы рассмотреть вопрос о том, что эта глава с точки зрения системного подхода могла бы быть включена в раздел об освобождении от уголовной ответственности и от наказания.

Принудительные меры медицинского характера законодатель также относит к иным мерам. Думается, что этот вид мер с наибольшей долей вероятности можно обособить в Общей части УК РФ, т. к. эти меры должны применяться к лицу, совершившему преступное деяние и имеющему психическое заболевание, в связи с которым оно может быть признано невменяемым или в отношении которого необходимо проводить психиатрическое лечение. Этот вид воздействия, так же как и наказание, имеет принудительный характер, он может быть применен против воли лица, более того, эти меры в соответствии со ст. 104 УК РФ могут быть применены наряду с уголовным наказанием. Почему же в таком случае этот вид мер не может быть признан наказанием? Думается, дело в том, что принудительный характер наказания обусловлен теми целями, которое оно преследует, т. е. необходимо восстановить социальную справедливость, исправить осужденного, предотвратить совершение новых преступлений. В случае назначения принудительных мер медицинского характера у правоприменителя и суда отсутствуют такие цели, т. к. необходимость применения этих мер к лицу обусловлена его излечением, несмотря на то, что он совершил преступление или причинил вред объекту, если лицо находилось в состоянии невменяемости.

На наш взгляд, исключения из правил о преступности и наказуемости деяния, закрепленных в различных разделах УК РФ, связанные с заболеванием лица, можно было бы объединить в отдельный раздел. Так, например, в ст. 81 УК РФ лицо может быть освобождено от отбывания наказания в связи с болезнью. Эта статья находится соответственно в разделе об освобождении от уголовной ответственности и наказания. Либо можно было бы положение о принудительных мерах медицинского характера закрепить в основаниях освобождения от наказания, т. к. фактически лицо может не отбывать наказание, находясь на лечении.

Помимо рассматриваемых разделов в Общей части УК РФ законодатель отдельно выделяет и раздел, в котором регулируются вопросы, связанные с уголовной ответственностью несовершеннолетних. Представление о необходимости применения к юным преступникам иных мер воздействия, нежели ко взрослым, возникло ещё в XIX веке. Именно тогда было теоретически обосновано применение к несовершеннолетним, совершившим преступления, прежде всего воспитательных, а не карательных мер [3, с. 408]. Думается, что с точки зрения системного подхода выделение раздела об ответственности несовершеннолетних наряду с такими разделами, как, к примеру, «Преступление», «Наказание», не вполне логически верно, т. к. несовершеннолетие виновного относится к признаку субъекта преступления, поэтому, с одной стороны, особенности привлечения их к ответственности могли бы быть включены в раздел «Преступление», в котором содержатся иные положения, связанные с особенностями субъекта преступления, например, статьи о соучастии. В то же время в разделе V УК РФ содержатся различные положения об особенностях назначения наказания несовершеннолетним, освобождения их от уголовной ответственности с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия, от наказания. Иными словами, в данном разделе содержатся различные положения, которые относятся к тем или иным разделам и главам Общей части, поэтому в данном случае возможно несколько вариантов их объединения.

С одной стороны, можно было бы разбить положения этого раздела и включить соответствующие статьи о несовершеннолетних в те главы и разделы, которые посвящены этим вопросам. Например, ст. 88 УК РФ о видах наказания, которые могут быть назначены несовершеннолетним, можно было бы включить в главу 9 УК РФ. Но, возможно, это бы усложнило правоприменительную деятельность, т. к. в случае необходимости решения вопросов уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетнего требовало бы от правоприменителя поиска той или иной нужной статьи в различных главах и разделах Общей части Кодекса. Второй вариант группировки этих статей возможен по принципу того, по какой причине есть необходимость вообще существования этих статей, то есть по принципу объ-

единения всех вопросов, которые регулируют в Общей части относительно несовершеннолетнего. В нынешней редакции Кодекса именно по этому принципу и сформирован данный раздел, что значительно облегчает правоприменительную деятельность. Однако, как было сказано ранее, данный раздел, объединяя в себе все вопросы, касаемые несовершеннолетнего, не вполне с точки зрения системы согласуется с иными разделами Общей части. Иными словами, сложно сказать, что между ними имеется взаимосвязь и по своему содержанию они находятся на одном уровне.

Таким образом, если рассматривать Общую часть как систему, то на уровне разделов выделение раздела «Преступление», «Наказание» представляется правомерным, соответствующим требованиям и признакам системы. Раздел «Уголовный закон» тоже выделен правомерно, с точки зрения системы этот раздел не вполне согласуется с разделами «Преступление» и «Наказание», т. к. он описывает в целом особенности действия уголовного закона, и можно сказать, что по своему содержанию он находится на более высоком уровне, чем остальные. Разделы «Уголовная ответственность несовершеннолетних» и «Иные меры уголовно-правового характера», на наш взгляд, вносят в систему Общей части противоречие, и содержание этих разделов должно быть в ином виде включено в текст Общей части. В частности, можно было бы выделить раздел, связанный с излечением лица, причинившего вред объекту уголовно-правовой охраны, от заболевания. Раздел об освобождении от уголовной ответственности и от наказания мог бы быть выделен как положения-исключения из правил о привлечении лица к ответственности и назначении ему наказания в соответствии с разделами II и III УК РФ.

Рассмотрение вопроса о системе Общей части не может ограничиваться рассмотрением вопросов соотношения положений Кодекса на уровне разделов, т. к. разделы – это лишь один, хоть и наиболее общий уровень всей системы Общей части. Помимо разделов как в Общей, так и в Особенной части имеются главы, статьи. В каждой главе имеется своя собственная система, которую с точки зрения всего Кодекса правильнее назвать подсистемой. Во всяком случае для правильного построения Кодекса необходимо, чтобы статьи каждой из глав Кодекса образовывали подсистему, т. е. были объединены по какому-либо системному основанию. Ранее нами раскрывался вопрос о соотношении отрасли права и закона, в связи с чем подчеркивалось, что отрасль права состоит из норм права, а закон состоит из статей.

В ходе исследования системы Общей части как структурного элемента закона важно отметить, что к элементам различного уровня обобщения системы Общей части уголовного закона помимо разделов, глав и статей следует относить название статей, части, пункты статей, предложения в них, а также членов предложения в виде подлежащего, сказуемого и др. Причем указанные элементы перечислены нами не в хаотичном порядке, а с учетом того, что предыдущий элемент по своему содержанию охватывает последующий. Следуя избранной логике, можно предположить, что наименьшим звеном этой цепочки будет являться буква в слове. Данный тезис, на наш взгляд, применим как к характеристике Общей, так и Особенной частей УК РФ. В связи с изложенным утверждение, которое часто встречается в юридической литературе, о том, что уголовный закон представляет собой совокупность правовых норм, представляется нам неверным, т. к. оно противоречит общей теории права. Важно отметить, что уголовно-правовая норма и статья закона не являются противоречащими друг другу понятиями. Норма права описывается в статьях закона. И норма права, и статья закона как являются элементами различных систем (отрасли права и уголовного закона), так и имеют собственную систему.

Литература

1. Гребенкин, Ф. Б. Понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера / Ф. Б. Гребенкин. – Текст : непосредственный // Системность в уголовном праве : материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – Москва : ТК Велби : Проспект, 2007. – С. 127.

2. Денисова, А. В. Система уголовного права Российской Федерации: оценка современного состояния / А. В. Денисова. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 82–92.
3. Додонов, В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / В. Н. Додонов ; под общей редакцией С. П. Щербы. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 448 с. – ISBN 978-5-93295-470-6. – Текст : непосредственный.
4. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия : уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург, 2004. – 339 с. – ISBN 5-94201-398-5. – Текст : непосредственный.
5. Уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть. : учебник для академического бакалавриата / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. – 5-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2019. – URL: <https://biblio-online.ru/viewer/ugolovnoe-pravo-v-2-t-tom-1-obschaya-chast-437789#page/24> (дата обращения: 20.02.2020). – ISBN 978-5-534-04853-7. – Текст : электронный.
6. Уголовный кодекс РФ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. История становления и развития законодательства об амнистии и помиловании в России. – Текст : электронный // Studwood.ru. – URL: https://studwood.ru/810590/pravo/istoriya_stanovleniya_razvitiya_zakonodatelstva_amnistii_pomilovanii_rossii (дата обращения: 20.02.2020).
8. Развитие уголовного права в России. – Текст : электронный // www.Grandars.ru. – URL: <http://www.grandars.ru/college/pravovedenie/istoriya-ugolovnogo-prava.html> (дата обращения: 20.02.2020).